

УДК 821.161.1-192(Макаревич А.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)-8,445
Код ВАК 10.01.08
ГРНТИ 17.07.25

М. Б. ВОРОШИЛОВА

Екатеринбург

**ЛЮДИ – ВЕЩИ, ВЕЩИ – ЛЮДИ,
ИЛИ «НЕВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ» А. МАКАРЕВИЧА:
ОПЫТ АНАЛИЗА КРЕОЛИЗОВАННОЙ МЕТАФОРЫ**

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-79.2013.6 (договор № 14.124.13.79-МК).

Аннотация: В настоящей статье мы представим лишь некий фрагмент комплексного анализа «Неволшебных сказок» Андрея Макаревича. Наша цель показать возможности креолизованной метафоры, описать её структурные особенности. Мы выделили некоторые функции креолизованной метафоры (композиционную, характеризующую, моделирующую и др.).

Ключевые слова: креолизованная метафора, метафорическая модель, структурные типы, функции, композиция.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Должность: доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; shinkari@mail.ru.

M. B. VOROSHILOVA

Ekaterinburg

**PEOPLE – THINGS, THINGS – PEOPLE,
OR «UNMAGICAL FAIRYTALES» BY A. MAKAREVICH:
EXPERIENCE OF CREOLIZED METAPHOR ANALYSIS**

Abstract: The given article presents a fragment of the complex analysis of «Unmagical Fairytales» by A. Makarevich. Our goal is to show possibilities of a creolized metaphor, to describe its structural peculiarities. Several functions of a creolized metaphor are singled out (composition, characterizing, modeling etc.).

Key words: creolized metaphor, metaphorical model, structural types, composition.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Post: Associate Professor of the Department of Rhetoric and Intercultural Communication.

Метафорическая модель «Человек – вещь» - одна из самых древних и традиционных в мировой литературе и искусстве в целом. Именно эта метафорическая модель и получила своё развитие, точнее сказать, послужила фундаментом новой книги Андрея Макаревича «Неволшебные сказки» [6].

Доминантный метафорический образ «Человек – вещь» определён уже в аннотации: «В чём вилки, гитары и даже бутылка шампанского лучше людей? В этой яркой и доброй книге всё сказочным образом перевернулось. Вещи превратились в людей, люди – в вещи, чтобы посмотреть друг на друга со стороны, рассмеяться и обменяться горькими и сладкими любезностями. Но вот, осознав боль и разочарование вещей, некоторые люди вновь превращаются в людей, а другие так и остаются бездарными безделушками, точно так же, как в нашей несказочной жизни» (Виктор Ерофеев).

Отметим, что в рамках настоящего исследования мы не будем поднимать вопрос о традиционных сказочных мотивах, об отдельных образах той или иной сказки, нас интересует данное произведение в его целостности, как единый цикл, описывающий жизнь человека и её определённые этапы, как единое художественное произведение, в котором воедино и неразрывно слиты текст и иллюстрация. Поэтому мы в качестве основного будем использовать термин креолизованный текст: «... текст, обладающий сложной формой, то есть основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [3, с. 22].

Основным инструментом анализа «Неволшебных сказок» Андрея Макаревича и Владимира Цеслера для нас стала когнитивная метафора, а точнее креолизованная. Возможность использования данного термина в исследованиях семиотически сложного текста обусловлена, во-первых, тем, что в когнитивной лингвистике используется «широкое» понимание метафоры, которая рассматривается как «любой способ косвенного выражения мысли» [1], в том числе и невербальный.

Во-вторых, преимущество понятия креолизованной метафоры обусловлено тем, что оно может быть использовано и для метафорических образов, основанных на синтезе элементов не только вербальной или не только визуальной системы (в этом случае принято говорить о визуальной метафоре [2]).

Данное понятие значительно шире и даёт нам возможность ещё раз акцентировать сложную внутреннюю структуру образа, основанного не только на взаимодействии различных знаковых единиц, но и нередко на взаимодействии нескольких образов.

И именно взаимодействие является, с нашей точки зрения, базой данного понятия, это не просто синтез двух элементов, это их совместное развитие, их совместное прочтение, результаты которого могут быть более точными и более глубокими, а нередко и отличающимися от результатов их индивидуального прочтения [см. также: 4; 5].

В настоящей статье мы представим лишь некий фрагмент комплексного анализа «Неволшебных сказок» Андрея Макаревича. Наша цель не столько дать целостную картинку, оценку, не столько выделить ключевые мотивы, сколько показать возможности креолизованной метафоры, описать её структурные особенности, и важной частью нашей работы стал анализ композиционных функций креолизованной метафоры, что было продиктовано спецификой самого материала.

Итак, как мы уже отметили выше, доминантной метафорической моделью в анализируемых сказках становится модель «человек-вещь». Вещи предстают в образе людей, они проживают такую же, как и мы, жизнь, они сталкиваются с такими же проблемами и переживаниями.

Так, в «Сказке про сардинку» нерест рыб становится обычным летним отдыхом среднестатистического человека. На иллюстрации мы видим на фоне моря открытку «From south with love»: «Наступило лето, и стаи сардин вместе с другими такими же стаями двинулись к югу, к побережью».

Но нередко креолизованная метафора позволяет не только «вдохнуть жизнь» в тот или иной предмет, но при этом дать ему исчерпывающую характеристику. Например, в «Сказке про Глафиру» одной из самых частотных становится сексуальная метафора, метафора, выполняющая характеризующую функцию, создающая образ сексуальной красотки, «охотницы за принцем». Наиболее ярким примером становится метафора, основанная на сочетании визуального, текстового и параграфического уровней. Простое изображение женского белья, дублирующееся самими текстом (точнее формой текста), делает сексуальным любое действие: «Ей не было так хорошо даже в магазине, хотя многие считают, что ожидание счастья приятней самого счастья. Принц (его звали Альберт) водил машину превосходно: быстро, но мягко, - и они оба получали одинаковое удовольствие от езды» [6]. Таким образом, получается, что сфера-источник представлена на визуальном уровне, сфера же мишень – на вербальном, а параграфический уровень выступает той ниточкой, что объединяет их.

Но чаще креолизованная метафора основана на сочетании нескольких метафорических образов, где один образ создан на визуальном уровне, другой – на текстовом. Например, образ розы в куче стружки в «Сказке про деревянную палочку».

Тема одиночества, одиночества уникального, выдающегося является лейтмотивом «Неволшебных сказок»: одинока единственная непарная палочка в «обществе, созданном на палочковом заводе», но именно её одиночество и обуславливает её уникальность. Она не такая как все, она «ошибка производства» или единственная живая роза в кучке стружки, в

кучке отходов производства. Именно на контрасте создаётся данная креолизованная метафора: контраст заложен как внутри каждого образа, так и между самими вербальными и визуальными образами.

В «Неволшебных сказках» активно используются и визуальные метафоры, то есть метафоры, основанные на сочетании двух визуальных образов, не имеющие прямой текстовой поддержки, и прочитаны данные метафоры могут быть только в контексте всего текста. Талант и уникальность дают непарной палочке новую жизнь, настоящую жизнь: не случайно на последней иллюстрации на дирижерской палочке пробивается зелёная веточка.

Авторы активно используют визуальную метафору как некий композиционный приём: в каждой сказке есть открывающая и закрывающая иллюстрации, не сопровождаемые текстом. Сочетание данных иллюстраций создаёт тот самый ключевой визуальный метафорический образ.

Образу одиночества в сказках «Про деревянную палочку» и «Про сардинку» (уникальность и одиночество даруют жизнь и сардинке Лиде, которая выбивается из стаи и тем самым спасает себе жизнь, а в последствии даёт жизнь «детям... нет, ста тысячи прозрачным золотых икринок») противопоставляется мотив толпы, причём в обеих сказках он подчёркнут композиционно.

Так, «Сказка про деревянную палочку» оформлена, обрамлена креолизованной метафорой (в данном случае, точнее сказать – визуальной), основанной на сочетании открывающей и закрывающей иллюстраций. На первой иллюстрации мы видим брёвна, материал для будущих палочек, палочек для еды и счётных палочек, но материал этот безлик. Завершает сказку изображение заполненного театрального зала, зала рукоплещущего той единственной и уникальной.

Аналогично построена и визуальная метафора, обрамляющая «Сказку о сардинке». Открывает сказку образ безликой стаи сардинок, а закрывает изображение стаи серых и безликих машин: люди в сером безликом потоке несутся по жизни, всё одинаково, всё в одну сторону и лишь единицам удаётся выбиться из толпы и оставить что-то важное после себя.

Иное развитие получает мотив уникальности в «Сказке про Глафиру»: «Глафира была необычной машиной» в ряду таких же «дорогих, ухоженных, машин – Альбин, Снежан, Виолетт». Это и стало причиной её краха, краха её мечты о настоящем принце. Но Глафира смогла принять свою новую роль, нового «принца», что и даровало ей жизнь, не случайно, эта сказка открывается и закрывается одним и тем же изображением – проносящейся за окном автомобиля ночной улицы города... Ведь это лишь фрагмент из нашей постоянно текущей, бегущей жизни, из нашей повседневности.

Некий композиционный параллелизм отмечен и в построении отдельных образов, кочующих из сказки в сказку. Важным мотивом «Неволшебных сказок» Андрея Макаревича становится мотив жизни и смерти. Как

мы уже отметили, именно уникальность героев и дарует им право на новую жизнь. В обеих сказках мы находим примеры креолизованной метафоры жизни и смерти.

Дирижерская палочка, оставшись одна, попадает «в узкую чёрную коробочку. Внутри коробочка была покрыта малиновым бархатом и очень напоминала палочкин гроб», и лишь музыка оживляет её, даёт ей новую жизнь, жизнь настоящую, вспомните образ зелёного ростка.

Для сардинки же гробом является консервная банка, но её решительность и призыв стали тем консервным ножом, который позволил Лиде открыть свою банку, не случайно сказку закрывает образ солнца, образ утра, образ начала, начала жизни, и солнце это из открытой консервной крышки.

Эти же мотивы мы находим и в «Сказке про шампанское» и «Сказке, про то, что самое главное». Но теперь герои уже живут с осознанием своего достоинства, они гордятся своей уникальностью и даже пытаются доказать свою значимость, доказать, что именно они самые главные. И обречены на смерть, на забвение, ведь они лишь часть некоего порядка, порядка сервировки стола или творческого порядка мастерской.

Не случайно «Сказка про деревянную палочку» и «Сказка про шампанское» стоят рядом, не случайно их иллюстративный компонент выстроен параллельно. Обе сказки открывают изображения, символизирующие источник жизни – брёвна как материал для создания палочек и виноградник, где зреет виноград, из которого делают вино самых разных сортов. Это лишь начало, это лишь материал, пока безликий...

Но финал историй различен: для палочки это зрительный зал, где она осознала свою уникальность и обрела новую жизнь, для шампанского это помойка, городская свалка, последнее пристанище «умершего вина», «вина всех вин, королевского напитка праздника и любви». Параллельны и образы смерти, это уже описанный нами «палочкин гроб» и бархатная коробочка для кольца, которая становится гробом для пробки шампанского.

Итак, в нашей статье мы попытались показать потенциал креолизованной метафоры, её важную композиционную роль в создании и восприятии креолизованного текста, построенного на взаимодействии знаков разных семиотических систем. Мы выделили некоторые функции креолизованной метафоры (композиционную, характеризующую, моделирующую и др.) и описали наиболее частотные типы.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - С. 136-137.

2. Большакова Л. С. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов) [Электронный ресурс] Электронная статья / Л. С. Большакова // Современные проблемы науки и образования. - 2008. - № 2. - С. 119-123.

3. *Ворошилова М. Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова; Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2013. – 194 с.

4. *Ворошилова М. Б.* Звезда по имени солнце: креолизованная метафора как инструмент анализа рок-композиции / М. Б. Ворошилова // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Екатеринбург; Тверь: УрГПУ, 2013. – Вып. 14. – 387 с. – С. 127-134.

5. *Ворошилова М. Б.* Креолизованная метафора: первые зарисовки / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2012 - № 4 (42). – С. 94-99.

6. *Макаревич А. В.* Неволшебные сказки / А. В. Макаревич, худ. В. Цеслер. – М: РИПОЛ классик, 2013. – 168 с.